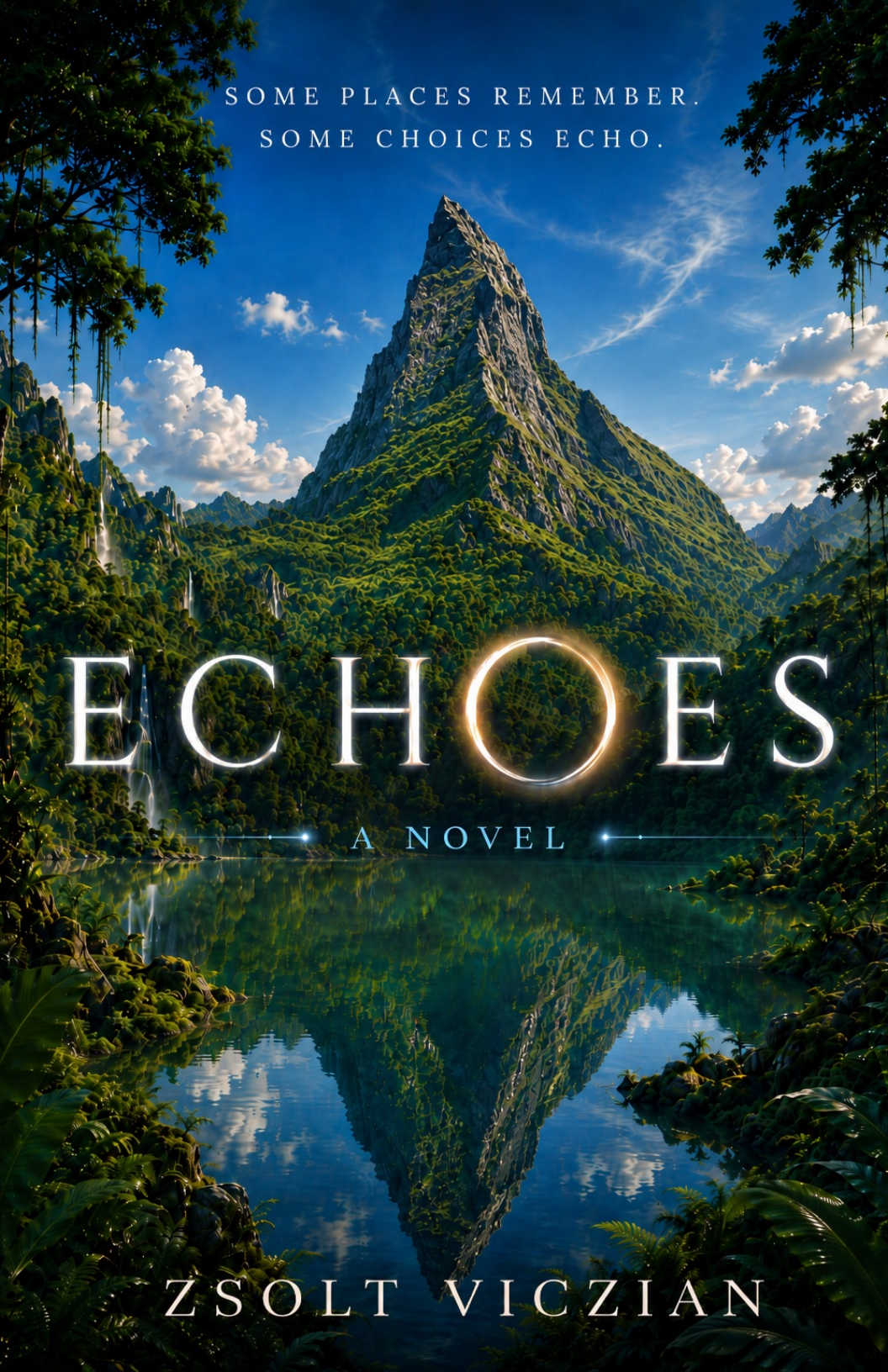

SOME PLACES REMEMBER.
SOME CHOICES ECHO.

ECHOES

— — — — —
A NOVEL — — — — —

ZSOLT VICZIAN

Глава 1: Nia

Теперь, когда меня спрашивают, как я вышла на погребённые дуги, я начинаю с аудитории, которая смеялась над линией древнего льда. Это было сорок пять лет назад.

Я ещё расставляла последний лоток с осадочными образцами, когда первая студентка попыталась прочитывать этикетку вверх ногами.

— Если подождёшь, узнаешь больше, — сказала я ей.

— Проверяю, правильно ли вы её подписали.

— Тогда, полагаю, занятие уже началось.

Когда аудитория заполнилась, вдоль переднего стола стояли одиннадцать неглубоких лотков: окатанные камни, светлый порошок из озёрного керна, осколки тёмной породы с царапинами на одной стороне и полоска красной глины, расколотая посередине. Всё это казалось ничтожным рядом с густой зеленью за окнами, где туман висел среди деревьев, поднимавшихся почти к серому гребню. Именно поэтому я и принесла образцы.

Я подняла глину. — Это осело на дне озера.

Студентка у окна откинулась назад, чтобы разглядеть гребень за деревьями двора. — Тёплого озера?

— Холодного.

— Насколько холодного?

— Настолько, что в Верхней долине лёд держался круглый год.

Две студентки улыбнулись. Третья рассмеялась и попыталась спрятать смех за конспектом.

Я нарисовала поперечный разрез долины и отметила прежнюю границу льда. На этот раз аудитория засмеялась уже в голос. Эти склоны они знали. Линия накрывала институт, нижние террасы и половину горы, которую они видели со своих мест.

Я проверила масштаб.

Потом подняла линию выше.

Смех оборвался.

Вопросы посыпались разом. Откуда это известно? Что могло сохраниться? Доходил ли лёд до этого здания? Студентка в первом ряду назвала такую невероятную глубину, что её соседка уже начинала улыбаться.

— Почему ты выбрала именно это число? — спросила я.

Она показала на ширину долины на моём рисунке. — Если лёд заполнял всю котловину, давление должно было вытолкнуть его выше по краям.

— Число слишком большое, — сказала я, — но ход мысли полезный. Оставь ход мысли.

Улыбка соседки исчезла в рукаве.

От разреза мы перешли к свидетельствам. Исцарапанная коренная порода. Чужие валуны, занесённые дальше, чем могла бы прокатить их любая река. Гряды, оставшиеся там, где лёд надолго задерживался. Эти следы они приняли без труда. Они были достаточно крупными, чтобы казаться честными.

Проблемы начались с глины.

Я положила образец под считыватель. Стена за моей спиной заполнилась увеличенными зёрнами — светлыми минеральными осколками, порами, тёмными крапинками не крупнее пыли. Рядом с образцом я поставила компас и поднесла ручной магнит достаточно близко, чтобы стрелка повернулась.

— Некоторые тёмные зёрна выстроились в одном направлении, пока оседал ил, — сказала я. — Они записали направление поля того времени.

— И так и остались?

— При подходящих условиях.

— На сколько времени?

— Пока тепло, давление, вода, химия или какое-нибудь нарушение не дали им более вескую причину изменить положение.

Ответ им не понравился.

Одна студентка спросила, можно ли по реконструкции древнего холода предсказать следующий климатический сдвиг в котловине. Я сказала, что это поможет лишь в том случае, если мы сумеем отделить региональные изменения от местной реакции. После этого её ручка задвигалась быстрее.

Сигнал об окончании занятия прозвучал раньше, чем я успела стереть линию льда. Стулья заскребли по полу, но студенты собрались

не у двери, а вокруг лотков.

Девушка, которая вначале проверяла мою этикетку, снова подняла руку. — А откуда вы знаете, что зёрна просто случайно не легли именно так?

Я посмотрела на глину, потом на неё.

— Принеси это возражение на следующее занятие. Вокруг него и построим проверку.

Тёплый дождь так сильно бил по листьям снаружи, что его было слышно через открытое окно. Студенты ушли, продолжая спорить о случайности.

Мара разложила карту станций котловины на столе в чайной и прижала один мокрый угол треснувшей зелёной чашкой. Она сидела в конце коридора от аудитории; дверь там всё ещё была открыта, так что Мара вполне могла слышать и смех, и вопросы после него.

— Ты заставила их тебе поверить, — сказала она.

— Я заставила их точнее во мне сомневаться.

— У тебя это и называется «поверить».

Молодой человек, принёсший хлеб, поставил его у чайника и ушёл. Мара, читая журнал оборудования, оторвала кусок и насыпала крошек прямо на карту — за такую небрежность она отчитала бы кого угодно другого. Я отодвинула хлеб от маршрута съёмки.

Мы познакомились семь лет назад, успев до обеда публично поправить друг друга. Дружба пережила это и оказалась полезной: Мара оставалась тем человеком, которому я первой показывала результат, если хотела, чтобы слабое место нашли раньше всего остального.

Южный ретранслятор вышел из строя: насекомые устроили гнездо в корпусе. Для новой мачты нашлось место на первом грузовом поезде после рассвета. Мара дважды обвела время отправления и назначила себе станцию, до которой оборудование тащить дальше всего.

— Ты выбрала себе самый плохой маршрут.

— Я избавила тебя от открытия собственного великодушия в четыре утра.

— Ты пропустила серию, — сказала она.

— Не пропустила.

— Капитан выбрался из ущелья.

— Я знаю.

— Значит, смотрела.

— Дважды.

Она подняла глаза. — Три недели отказываешься от всех приглашений, а потом два вечера подряд смотришь, как вымышленные исследователи с отвратительным снаряжением перебираются по рушащемуся мосту.

— С конструктивной точки зрения сцена с мостом безупречна.

— Мост рушится.

— Именно.

Наручный экран засветился на столе. Тарин прислал фотографию наполовину собранной рамы из тростника; верхняя дуга отклонялась от глиняной чаши, в которой должно было отражаться сооружение.

Она издаёт тот самый звук, который, по твоим словам, плетённый тростник издавать не может. И ещё: будешь дома до ужина? Нам надо наконец решить вопрос с домом.

С рамой всё было просто. Я увеличила изображение, нашла перекрёстную перевязь, которая тянула одно ребро к другому, и написала, какой шнур ослабить.

Второй вопрос я оставила без ответа.

Мара постучала по карте. — Ему ответила?

— Раме ответила.

— Наверное, он чувствует себя любимым.

Новая мастерская Тарина находилась выше по реке, и работать там ему предстояло несколько лет. Мы могли жить порознь, переехать ближе к долине моей матери или поселить его в её доме. Он просил назвать дату. Я всё отвечала условиями.

— Сегодня вечером, — сказала я.

Мара загнула край карты поверх таблицы погоды. — Вчера ты тоже говорила «сегодня вечером».

— Вчера был плохо выбранный день.

На этот раз она не засмеялась.

Мы закончили список оборудования. Я забронировала грузовое место, пока расписание не успело измениться. Треснувшая чашка оставила влажный зелёный след там, где маршрут пересекал нижние болота.

Через три утра мы выехали до рассвета.

По западной грузовой линии полевые ящики можно было отправить только первым рейсом, пока пассажирские поезда не занимали поднятую над землёй насыпь.

Мара двадцать минут проспала, прислонившись к окну, проснулась прежде, чем кто-нибудь успел это заметить, и отрицала оба события. Орли сидела напротив, держа на коленях список станций и сверяя номера корпусов с тележками на дальней платформе. Она была ещё достаточно новой, чтобы проверять всё дважды, и уже достаточно опытной, чтобы обидеться, если её за это похвалят. Её светлый дождевик застёгивался на две разные пряжки: одна блестела — её недавно заменили, другая потемнела от носки.

До болот линия проходила через городок, плотно прижавшийся к склону: дома с глубокими карнизами ступенями поднимались над крытыми переулками и открытыми водными каналами. Когда облака расходились, между мокрыми садами вспыхивали полосы тёмного солнечного стекла.

Западная котловина раскрывалась вокруг постепенно — низкая заболоченная земля над погребённой дугой: чёрная вода в старых протоках, тростник с прошлогодними бурными метёлками над новой зеленью, светлые островки, где корни ив удерживали достаточно почвы, чтобы человек не провалился. Красный сфагнум лежал на торфе, словно ржавчина. Утро пахло мокрой минеральной землёй и сладковатым краем растений, которые ещё не решились, будут ли гнить.

Поезда пересекали котловину по насыпям из камня и утрамбованной земли. Внизу деревянные настилы порой обрывались у почвы, которая в сухой сезон казалась надёжной, а с тех пор передумала.

На первой станции одно колесо тележки ушло в грязь до оси. Чёрная вода медленно поднялась вокруг спиц.

Мара посмотрела на колесо, потом на меня. — Твой маршрут по-прежнему великолепен.

— Когда я его отмечала, здесь было твёрдо.

— Именно так звучат исторические свидетельства, от которых ты предостерегаешь студентов.

Последние сто шагов мы несли ящики на себе. Грязь тянула сапоги вниз; тростник постукивал по корпусам приборов.

На второй площадке Орли остановила старшего техника, прежде чем тот затянул крепление мачты.

— Она движется.

Плита выглядела ровной. Орли нажала двумя пальцами на один угол. У противоположной опоры проступила вода.

— Подложим с низкой стороны, — сказал он.

— Тогда подкладка станет частью станции.

Он посмотрел на меня.

— Переносим, — сказала я.

Мы отнесли мачту на тридцать шагов, к гравийному выступу, на котором едва помещались опоры. Орли внесла в журнал и отвергнутое место, вместо того чтобы позволить ошибке исчезнуть из более аккуратной версии этого дня.

К полудню ещё одна запланированная площадка отпала из-за погребённой инфраструктуры. Дождь пересекал болото серой завесой: сначала мы слышали, как он идёт по воде, и только потом он достиг нас.

Последние ящики мы потащили к лесистому островку из берёз и ольхи. На середине настила у младшей техникиессы лопнул сапог. Мара поменялась с ней ношей, прежде чем кто-нибудь успел превратить доброту в церемонию.

— Знаешь, — сказала она мне, — некоторые руководители полевых работ сверяются с погодой.

— Я сверилась.

— И?

— Она не согласилась.

Орли рассмеялась так сильно, что пришлось ухватиться за перила. Одно яркое мгновение мы втроём стояли насквозь промокшие, балансируя над чёрной водой с дорогими приборами, а над нами грузовой поезд звонил, объявляя отправление.

К концу дня четыре станции стояли на месте, а одна запланированная точка оставалась пустой. Обратный поезд мы пропустили на четыре минуты.

Я написала Маме, что доберусь домой только на следующий день и не успею, как обещала, помочь подготовить решение по террасе.

Орли держала закрытый журнал станций на коленях.

— Завтра? — спросила она.

— Завтра.

Снаружи над водой собирался низкий туман. Новые станции стояли среди тростника и записывали данные без нас.

К дому матери я добралась на следующий день после полудня: две пересадки, а последнюю милю пришлось пройти пешком, потому что семейная телега везла камень. Мой дядя шёл впереди и вёл быка.

Низкое солнце подсвечивало мокрую стенку канала и жёлтые корнеплоды, которые мать выращивала под ней. С моего детства дом разросся вокруг двора: над старым камнем появились новые комнаты, но кухня и водный канал, пересекавший двор, остались на прежнем месте.

Есть уже начали. У двери меня встретили запах дыма и горячего теста. Брат стоял у нагретого камня и переворачивал круглые лепёшки, весь в муке до локтей, а мать и две тётки заняли стол земельными записями, рисунком склона и тремя возможными линиями подпорной стены.

— Это нарочно, — сказал брат, не поднимая глаз. — Она любит приходить, когда решения уже приняты.

— Я люблю решения, которые опираются на данные.

— Тогда ты ошиблась столом.

Старшая тётка постучала пальцем по старой линии стены. — Восстанавливаем здесь. Хранилище остаётся на месте.

— Сначала надо отвести водосброс на север, — сказал брат из кухни. — Вода прошла выше западного дерева. Если поставить стену по старой линии, её опять выдавит.

— Ты видел одну бурю, — сказала тётка. — Женщины, которые ухаживают за садом, наблюдают этот склон не первый сезон.

— Но именно та буря и сдвинула стену.

— Что ты отметил? — спросила я.

Он принёс доску, припорошённую мукой, и встал у края стола. Три отметки показывали, как стена смещалась в последние сезоны сильных дождей; четвёртая отмечала сток.

Тётка спросила, кто их проверял.

— Никто, — сказал он. — Вы отложили осмотр.

Мать разломила жёлтый корнеплод пополам и положила половину мне на тарелку. — Какую линию выбираем?

— Если стену сдвинул водосброс, может хватить переноса. Если разрыхлилась нижняя засыпка — не хватит. Возможно, камни поднимают корни дерева, но последовательность этого тоже не доказывает.

— Стена у нас одна, — сказала мать.

— Я могу дать диапазон риска.

— До того, как сгорит хлеб, можешь?

Брат перевернул лепёшку. — Нет.

Я посмотрела на него. — Я как раз собиралась.

— Ты как раз собиралась объяснить, почему вопрос поставлен неправильно.

Он улыбался. Я тоже не удержалась.

Младшая тётка спросила, какой вариант меньше всего навредит, если я ошибусь. Я указала на среднюю линию — глубже в склон, с водосбросом, отведённым на север. Это отнимало часть места у запаса воды и пространства вокруг западного дерева. И это была та самая линия, которую брат нарисовал ещё до моего приезда.

Старшая тётка прижала большой палец к записи. — Восстанавливаем средний участок. Водосброс — на север. Дерево оставляем до следующего сильного дождя.

Мать кивнула и сложила рисунок склона.

Брат поставил передо мной хлеб и вернулся к нагретому камню раньше, чем она закончила. Тётка попросила у него соль; он передал её, так и не сев за стол.

— Хлеб хороший, — сказала я ему.

— Вот это ответ сформулирован правильно.

Я ела хлеб, жёлтый корнеплод, размякший и сладкий по краям, и горькую зелень, пока тётка вписывала северный водосброс в земельную запись.

Снаружи вода бежала по старому каменному каналу к саду. Я проводила её взглядом до нижней калитки, а потом оставила и пошла вверх, к озеру, стараясь поймать остаток света до того, как Тарин решит, что ждать больше незачем.

Озеро было теплее воздуха и достаточно холодным, чтобы первый вдох получился нелепым.

Тарин вошёл в воду раньше меня — ему нравилось смотреть, как я спорю с озером с берега. Он вынырнул за камнем, с которого спускали лодки, волосы упали ему на глаза.

— Выглядишь убедительно, — крикнула я.

— Я страдаю красиво.

— Это твоя профессия.

Его новая инсталляция занимала дальше мелководье: тридцать рам из тростника по колено высотой стояли широкой дугой, в каждую были вплетены тонкие глиняные чашки. В сумерках вода вытекала из чашек через крошечные отверстия на натянутое ниже волокно. К утру глина начинала трескаться. Через три дня всё сооружение разбирали.

Я спросила, зачем тратить шесть недель на вещь, которая специально задумана так, чтобы разрушиться.

Он спросил, зачем я трачу шесть лет на реконструкцию льда, которого больше нет.

С технической точки зрения сравнение было неверно по трём пунктам и верно по одному человеческому, поэтому отмахнуться от него оказалось трудно.

Я вошла в воду. Холод сомкнулся над плечами. Некоторое время мы плыли молча: его гребки были неровными и сильными, мои — достаточно экономными, чтобы он обвинил меня в превращении удовольствия в транспорт. Мы проплыли под отражением рогатой вершины и вернулись вдоль тростника.

Первая глиняная чашка выпустила воду, когда до неё оставалось ещё двадцать шагов. Над озером пронеслась глухая нота. Потом дальше по дуге ответила вторая, за ней третья.

Это не была мелодия. Ветер, уровень воды и мелкие неточности каждой чашки, вылепленной вручную, не оставляли места определённости. И всё же последовательность шла дальше — нерешительная и прекрасная, будто берег думал вслух.

Мы лежали на воде, пока не опустела последняя чашка.

— Завтра всё будет звучать иначе, — сказал он.

— Завтра уровень у притока может быть ниже.

— И это тоже.

Поправка его обрадовала.

Потом, на плоском камне, он завернул нас обоих в одно грубое полотенце и показал уведомление о заказе от совета восточной котловины. Общественная площадь, три ночи, столько материалов, сколько ему ещё никогда не давали. Открытие приходилось на моё следующее окно полевых работ.

— Перенесём полевой день, — сказала я.

— Ты даже не видела расписания.

— Я знаю расписание.

— Своё ты знаешь.

Я пообещала, что буду там в первый вечер. Тарин не попросил все три.

На другом берегу глиняные чашки уже подсыхали. Их короткая работа была закончена. Рамы оставались — обычный тростник над обычной водой.

Гром дошёл до озера, когда мы натягивали сапоги.

Облака собрались за западным плечом горы так, что ни один из нас не заметил. Через гребень они перевалили сплошной тёмной стеной. Тарин завернул уведомление о заказе в мокрое полотенце; я запахнула одежду в рюкзак, даже не складывая. Первые капли ударили по листьям так сильно, что снизу посыпалась пыль.

Ко второму повороту тропа превратилась в ручей. Тарин схватил меня за запястье, когда под одной ногой поползла грязь; через десять шагов я отплатила тем же. Мы смеялись, пока дождь ещё казался просто неудобством. Потом молния выбелила деревья внизу, и гром ударил раньше, чем мы успели досчитать.

— Туда, — сказала я.

Чуть в стороне от тропы темнел скальный навес под выступом зелёно-серого камня. Я проверила склон над ним — не несёт ли сверху рыхлый поток, — и вошла вслед за Тарином.

У задней стены пол был сухим. Ветер проносил мимо входа серебряные шнуры дождя. Мы сели плечом к плечу, поставив рюкзаки между ног, и снова укрылись одним полотенцем, потому что ни один из нас не взял ничего разумного на случай погоды, которой час назад не существовало.

Тарин откинулся назад и один раз переменял позу. Ладонь прошла по камню за его спиной.

— Потрогай.

На высоте плеч поверхность была тусклой и гладкой — не отполированной до блеска, а просто сглаженной сильнее, чем скол вокруг. Я приложила ладонь. Всё совпало сразу: высота спины, место, которое выбрал бы человек, переживающий непогоду.

— Наверное, здесь пряталось очень много людей до нас, — сказал он. Дождь заполнил вход и спрятал тропу. — И ещё очень многие будут прятаться после. Здесь почти чувствуешь время.

— Здесь чувствуешь холодный камень.

— И это тоже.

Он снял мою руку со стены и держал её обеими ладонями, пока пальцы не согрелись. Мы смотрели, как буря выдыхалась, и не пытались решить, кто укрывался здесь прежде и как эти люди называли гору. Когда гром ушёл на восток, снова стали слышны отдельные капли.

Тарин вышел первым и протянул мне руку так, словно за навесом надо было переходить реку.

Дорога домой блестела под уходящим дождём.

Спасибо за чтение

Спасибо, что прочитали эту ознакомительную главу *Echoes*. Надеюсь, вам понравилось. Если хотите продолжить историю - или послушать её - вот где её можно найти.

Сейчас на Amazon доступно только английское издание. Там же можно приобрести английскую версию в мягкой обложке:

<https://www.amazon.com/dp/B0HFKGSD7M>

На Gumroad можно приобрести электронную книгу без DRM в форматах EPUB и PDF на английском (оригинал), венгерском, испанском, китайском, немецком, нидерландском, русском, французском и японском языках. Переводные издания выполнены с помощью машинного перевода. Там же доступна английская аудиокнига:

<https://zsviczian.gumroad.com/l/echoes>

Если вам интересно, как создавался *Echoes*, посмотрите мое видео о закулисе процесса написания и производства:

<https://youtu.be/AzXP6SpD1XU>

Также можно подписаться на рассылку Sketch Your Mind:

<https://sketch-your-mind.com/newsletter>

Спасибо, что провели немного времени с *Echoes*.

—Zsolt